

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ. РИСКИ ТРАНЗИТА ВЛАСТИ В СТАРЕЮЩИХ РЕЖИМАХ*

Е. А. Иванов, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина

Статья посвящена анализу реализуемых моделей транзита в государствах постсоветской Центральной Азии. В декабре 2016 г. центральноазиатские государства отпраздновали двадцатипятилетие своей независимости от СССР. За четверть века авторитарные режимы исчерпали возможности для новаций в рамках авторитаризма и сталкиваются с необходимостью транзита власти от нынешних правителей новому поколению лидеров. Поскольку в авторитариях, в отличие от демократий, не существует универсальных отработанных моделей передачи власти, этот процесс может стать триггером для социального раскола государства. Наибольшие риски внутривластной дестабилизации, связанные с транзитом, вероятны в Казахстане и Таджикистане, где с 2015 г. началась подготовка к переходному периоду.

Старые правители – новые риски

Постсоветская Центральная Азия традиционно считается одной из зон нестабильности. Среди основных причин таких оценок можно выделить высокую этническую фрагментацию, нерешенность вопросов с окончательной демаркацией государственных границ и использованием водных ресурсов, близость к Афганистану, наркотрафик, структурно-демографические проблемы и ползучую радикальную исламизацию региона (см., например: Коротаев и др. 2011; 2013; Ходунов и др. 2012).

При этом новые вызовы стабильности региона лежат в плоскости назревающих транзитов власти, прежде всего в Казахстане и Таджикистане. Несмотря на жесткий авторитарный характер правления и подавление оппозиционных сил, внутривластная обстановка в государствах региона остается крайне напряженной. В таких условиях возникновение вакуума власти или неспособность нового лидера поддерживать порядок может спровоцировать серьезный социально-политический кризис.

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-06-00476).

В декабре 2016 г. центральноазиатские государства отпраздновали двадцатипятилетие своей независимости от СССР. Формально страны региона считаются молодыми политиями, недавно возникшими на политической карте мира. Однако с точки зрения возраста политических режимов страны Центральной Азии можно отнести к категории стареющих. Персоналистское правление во всех республиках установилось одновременно с обретением независимого статуса, корнями уходя в позднесоветский период.

Первые президенты Казахстана, Узбекистана, Туркмении и Таджикистана занимали должности первых секретарей ЦК Компартии своих стран и были членами Политбюро ЦК КПСС. Лишь А. Акаев, первый глава Кыргызстана, был выходцем из академической среды, избравшись в ЦК КПСС за несколько месяцев до учреждения должности президента Киргизской ССР.

На данный момент (декабрь 2017 г.) единственным действующим лидером, руководящим с советских времен, остается президент Казахстана Н. Назарбаев, который занял пост первого секретаря ЦК Компартии Казахстана в июне 1989 г. Таким образом, Елбасы единолично возглавляет государство на протяжении 28,5 лет.

И. Каримов получил назначение первым секретарем Узбекской ССР на день позже Назарбаева. Каримов первым из глав центральноазиатских республик был избран местным Верховным Советом на пост президента. На момент смерти узбекского лидера его руководящий стаж составлял более 27 лет.

С. Ниязов начал руководить Туркменской ССР еще раньше – с декабря 1985 г., но вследствие ухудшения состояния здоровья скончался, успев пробыть Верховным главнокомандующим 21 год, 7 из которых – в статусе пожизненного президента. Его преемник на посту – Г. Бердымухамедов – преодолел отметку в 11 лет своего непрерывного правления, имея все шансы увеличить стаж еще минимум на 6 лет, поскольку следующие выборы планируются в феврале 2024 г.

Нынешний президент Таджикистана Э. Рахмон, в советское время руководивший совхозом, вступил в борьбу за власть уже после распада СССР. Избрание Рахмона президентом состоялось в ноябре 1994 г. в разгар Гражданской войны (1992–1997). Позднее вызов власти Рахмона, который на раннем этапе играл роль компромиссной фигуры, одобренной влиятельными полевыми командирами, не раз бросали мятежные генералы: М. Худойбердыев (1996–1998), А. Рахимов (1997) и А. Назарзода (2015). Усиление

личной власти Рахмона началось уже после завершения конфликта в 1999 г., когда таджикский лидер сначала продлил срок президентских полномочий с 4 до 7 лет, а затем выиграл президентские выборы. Таким образом, Э. Рахмон удерживает власть в стране уже более 23 лет.

В Кыргызстане 14-летний период правления А. Акаева завершился так называемой «тюльпановой революцией», в результате которой президент был вынужден покинуть страну. На место Акаева пришел новый автократ – К. Бакиев, также свергнутый в ходе волны протестов в 2010 г. После череды революций в Кыргызстане делаются попытки развернуть страну в сторону демократического пути развития. Однако зафиксировать успехи прошлых лет, консолидировав демократию, пока не удастся.

Табл. 1. Возраст действующих лидеров, вероятных преемников и институциональные рамки горизонта транзита

Страна	Действующий глава государства	Возраст лидера	Возрастной ценз кандидата в президенты	Планируемые выборы
Казахстан	Назарбаев	77 лет	Не моложе 40	2020
Кыргызстан	Жээнбеков	59 лет	Не моложе 35 и не старше 70	2023
Таджикистан	Рахмон	65 лет	Не моложе 30	2020
Туркменистан	Бердымухамедов	60 лет	Не моложе 40 и не старше 70	2024
Узбекистан	Мирзияев	60 лет	Не моложе 35	2021

Более чем за четверть века авторитарные правители успели опробовать широкий инструментарий политических маневров для удержания власти в своих руках, начиная от безальтернативных выборов до продления полномочий через референдум, увеличения президентских сроков, присвоения статуса национального лидера и последующей отмены ограничений на общее количество президентских сроков для одного лица.

Изменение правил игры в таком ключе центрирует систему под конкретного лидера, делая из автократа несущую ось всей политической конструкции. При этом сама система утрачивает вариативность и возможность к адаптации, смещается ее баланс, снижая общую устойчивость. Как следствие, в случае ухода лидера система становится крайне уязвимой, если вакуум власти не будет оперативно заполнен новым лидером сопоставимого масштаба.

В демократических системах выборы при всех недостатках избирательных процессов выполняют роль своевременной ротации элит. Это предупреждает ситуации неопределенности, поскольку избирательные кампании длятся продолжительный период, за время которого электорат имеет возможность ознакомиться с программой основных кандидатов, увидеть и оценить их личные качества.

В авторитарных режимах, где выборы не являются механизмом формирования правящего класса, нет четких и отлаженных способов передачи власти. Более того, в режимах гибридного типа необходима определенная легитимация преемника (см., например: Гринин и др. 2015).

Исторически механизмы прямой передачи власти наследнику существовали в монархиях с их порядком престолонаследия, который совершенствовался веками. Кроме того, монархическое устройство по умолчанию наделяет наследника базовым уровнем легитимности, источниками которой служат религия и традиция.

Однако монархия не сводится к правилам передачи власти внутри одной семьи. Монархия подразумевает существование определенного социального порядка, в частности сословного общества со строгим разделением на аристократию, идущую в связке с духовенством, купечество, ремесленников и цеховиков, рабочих и крестьян.

В постсоветской Центральной Азии, несмотря на сохранение элементов традиционного общества, нет ни одного государства, где был бы возможен откат к сословному устройству. Семьдесят лет советской модернизации и четверть века существования в условиях глобализации бесспорно изменили центральноазиатские общества, даже такие закрытые, как туркменское.

Поэтому для нынешних лидеров стран Центральной Азии есть два варианта – открытые конкурентные выборы демократического типа или же авторитарный транзит преемнику. В большинстве случаев выборы в Центральной Азии служат для публичного оформления фактически принятых решений о перераспределении власти в стране. В этом они повторяют голосование на безальтернативной основе, существовавшее в СССР, где явка и доля голосов за единственного кандидата редко опускались ниже 90 %.

В то же время после распада СССР институт выборов показал свою жизнеспособность. Первые свободные выборы в бывших советских республиках работали в целом так же, как и в западных демократиях, что говорит о возможности реанимировать данный

институт практически в любом сообществе. На сегодняшний день лишь в Кыргызстане, где сохраняется реальная электоральная конкуренция, есть шанс на сохранение демократической модели передачи власти.

Для остальных государств наиболее вероятным инструментом станет транзит. В целом такой способ не чужд центральноазиатским государствам, поскольку в СССР транзит был общепринятой моделью, однако, в отличие от СССР, в современных режимах Центральной Азии нет таких укорененных политических институтов, каким была Коммунистическая партия. Единственными структурированными и устойчивыми группами в регионе, определяющими ход политических процессов, остаются кровнородственные объединения – семья, клан, племя (Collins 2006), которые будут задавать вектор транзита. Передача власти от отца к сыну «не гарантирует спокойного наследования власти, тем не менее он кажется самым мирным из всех прочих методов» (Tulloch 2012: 161–162). В доказательство этого можно привести политические кризисы периода Арабской весны, когда среди государств с наследственной моделью передачи власти серьезно пострадали Бахрейн и Сирия, тогда как среди стран, где такой подход не практикуется или не успел установиться, обострение произошло в Египте, Тунисе, Ливии, Йемене и Алжире (Brownlee *et al.* 2013). Если принимать во внимание все преимущества и сложности, возникающие при таком способе передачи власти, залогом сохранения режима и стабильности являются: 1) реформирование самой политической системы с акцентом на усиление институтов; 2) подготовка нового поколения лидеров; 3) формирование устойчивой коалиции, способной обеспечить транзит без усиления внутриэлитной борьбы; 4) возможности режима извлекать ресурсную ренту.

Далее будут рассмотрены казусы осуществившихся транзитов на постсоветском пространстве и дана оценка возможности применения данного опыта при будущих транзитах в странах Центральной Азии.

Модели транзита

Передача власти наследнику в современных авторитарных режимах – явление не уникальное. Например, в 2006 г. Национально-демократическая партия Египта рассматривала возможность выдвинуть кандидатом в президенты сына Х. Мубарака – Гамалея. В Северной Корее власть передается внутри семьи Ким уже не-

сколько десятилетий. Сюда же можно добавить казусы Сингапура в 2004 г. и Того в 2005 г. (Brownlee 2007). Г. Таллок приводит примеры семейств Сомоса в Никарагуа и Трухильо в Доминиканской Республике (2012).

На данный момент на постсоветском пространстве произошло три значительных транзита власти в условиях авторитаризма.

Первый – семейный, был реализован в 2003 г. в Азербайджане. Тогда испытывающий проблемы со здоровьем президент страны Г. Алиев, на протяжении 10 лет руководивший Азербайджаном, не смог продолжать активное участие в президентской кампании. Эта задача легла на его сына Ильхама, который к тому моменту имел значительный опыт работы в крупнейшей нефтяной компании SOCAR и депутатском корпусе Милли Меджлиса. В связи с ухудшением состояния старшего Алиева последний «в ручном режиме» смог добиться назначения своего сына на пост премьер-министра, что в соответствии со 105-й статьей конституции республики (Конституция Республики Азербайджан 2017) делало И. Алиева временно исполняющим обязанности президента в случае недееспособности Алиева-старшего. При этом лояльный клану Алиевых премьер-министр Артур Расизаде стал первым заместителем Алиева-младшего на новом посту, выполняя роль наставника и фактического куратора работы правительства. За две недели до выборов Г. Алиев снял свою кандидатуру с выборов в пользу сына. Ильхам достаточно уверенно выиграл выборы в условиях возросшего давления оппозиции, став новым президентом. Артур Расизаде был возвращен на должность премьера, которую занимает до сих пор, что доказывает сохранение режимной конструкции, выстроенной Г. Алиевым, с одной лишь заменой – отца на сына.

Неизвестно, как развивался бы сценарий транзита в Азербайджане, если бы не тяжелая болезнь Г. Алиева. Тем не менее передача власти прошла успешно. В пользу такого исхода сыграли следующие факторы: 1) имя и влияние Г. Алиева; 2) связь Алиева-младшего с крупным бизнесом (прежде всего нефтяным); 3) семейный союз с влиятельным кланом Пашаевых (через брак Ильхама Алиева и Мехрибан Пашаевой), позднее усиленный через назначение Мехрибан первым вице-президентом республики; 4) солидный опыт работы Алиева-младшего в госструктурах; 5) благоприятный фон (мировые цены на нефть начали расти). В связи с этим не исключено, что при соблюдении условий власть и дальше будет передаваться членам семьи Алиевых – Пашаевых, а опыт данной мо-

дели транзита будет использоваться автократами постсоветских государств.

Второй транзит – трайбалистский, происходил в Туркменистане с декабря 2006 по февраль 2007 г. После внезапной кончины первого главы Туркменистана С. Ниязова на период до внеочередных выборов власть должна была перейти к председателю Меджлиса. На тот момент председателем парламента был экс-председатель Верховного суда республики Овезгельды Атаев. Однако вместо наделения Атаева статусом и. о. президента против него было возбуждено уголовное дело, повлекшее отстранение от должности и арест. Вместе с этим в Туркмении состоялось оперативное совещание правительства и Государственного Совета безопасности, которые совместно назначили вице-преьера Г. Бердымухамедова и. о. президента, что по закону лишало его возможности баллотироваться на президентский пост. Тем не менее высший представительный орган Туркмении – Народный Совет – одобрил кандидатуру Бердымухамедова. Через полтора месяца на внеочередных выборах Г. Бердымухамедов с внушительным перевесом обошел пятерых соперников (по сути, технических, поскольку представители реальной оппозиции Н. Ханамов и Х. Оразов до выборов так и не были допущены). Этой победой Бердымухамедов закрепил ведущие позиции за своим племенем ахалтеке, которое, по сути, является выигрышной коалицией действующего президента. При С. Ниязове, зачистившем ключевые посты от чарджоуского, балканского, марыйского и других кланов, ахалтекинцы ощутимо продвинулись в органах государственной власти, силовых структурах и бизнесе, поэтому были заинтересованы в победе своего ставленника, чтобы не допустить передела власти и собственности.

Члены семьи С. Ниязова, в частности сын Мурад, имеют смешанное происхождение, что заведомо ослабляло их позиции в обществе с традиционными установками, и они долгое время проживали за границей. Посему Ниязовы предпочли не вмешиваться в процесс передачи власти новому президенту.

Факторы успеха Г. Бердымухамедова следующие: 1) приближенность Бердымухамедова к Ниязову; 2) высокий статус вице-преьера, который он делил с прочими вице-преьерами, поскольку кабинет министров Ниязов как президент возглавлял лично; 3) одобрение его кандидатуры влиятельным племенем ахалтеке; 4) доминирование ахалтекинцев во властных структурах, прежде всего силовых; 5) поддержка силовиков во время переходного пе-

риода до выборов; б) предвыборная программа, построенная на развенчании культа личности С. Ниязова с целью предотвратить рост общественного недовольства в связи с захватом власти Г. Бердымухамедовым.

Третий сценарий – патронально-клановый, он произошел в Узбекистане в сентябре 2016 г. в связи со смертью И. Каримова. После конфликта старшей дочери Каримова Гульнары с главой Службы национальной безопасности Р. Иноятовым претендовавшая на лидерство Гульнара утратила доверие отца и была выведена из числа возможных преемников. Младшая дочь Лола и ее муж Тимур Тилляев концентрируются на управлении бизнес-активами. Ключевыми в бизнес-империи Каримовых – Тилляевых являются рынок «Абу Сахий» и транспортная компания *Silk Road*. В случае транзита власти Каримовы – Тилляевы рассчитывали на поддержку криминального олигарха С. Абдувалиева. Главным условием были гарантии сохранения за семьей Каримова контроля над бизнесом и личная безопасность.

Учитывая невозможность передать власть члену семьи, И. Каримов на протяжении 15–20 лет вел подготовку и отбор преемников. Кроме того, Каримов понимал, что криминальные олигархи и кланы-землячества будут поддерживать близкие к ним кандидатуры. Поэтому наиболее вероятными выглядели кандидатуры прозападного министра финансов из ташкентского клана Р. Азимова и более традиционного «самаркандца» Ш. Мирзияева, бессменного премьера на протяжении 13 лет. Последний пользовался поддержкой условного «ташкентца» Р. Иноятова, что сыграло решающую роль в ходе транзита. Сам 73-летний глава СНБ имеет проблемы со здоровьем и является абсолютно непубличной фигурой, поэтому содействовал продвижению своего протеже из самаркандского клана Мирзияева, рассчитывая на его управляемость в будущем. Планы Иноятова не оправдались: спустя полгода между ним и Ш. Мирзияевым произошел конфликт. Но транзит уже прошел пиковую фазу, не угрожая Узбекистану дестабилизацией. Укрепившись на президентском посту, Мирзияев убрал со значимых постов бывшего визави Р. Азимова, а также стал оказывать давление на семью И. Каримова и силовой блок ташкентского клана, возглавляемого Иноятовым. Выигрышной коалицией Мирзияева стал самаркандский клан, который рассчитывал на возрождение после равноудаленной политики Каримова.

Среди причин успеха Мирзияева можно перечислить следующие: 1) полная лояльность Ш. Мирзияева к И. Каримову; 2) при-

надлежность к сильному самаркандскому клану, к которому формально принадлежал Каримов и который значительно представлен в МВД; 3) опора на силовой блок на начальных стадиях транзита; 4) поддержка извне в лице российского олигарха А. Усманова, имеющего родственные связи с Мирзияевым, что позволило новоизбранному президенту выйти из-под патронажа Иноятова и проводить самостоятельную политику; 5) предвыборные обещания либерализации внутренней политики, получившие поддержку у населения.

Суммируя, можно сказать, что, хотя в Азербайджане, Туркменистане и Узбекистане в период транзита ожидалось массовое недовольство, беспорядки и войны элит, на практике во всех трех случаях серьезной дестабилизации внутривластной обстановки удалось избежать.

На основании опыта этих стран можно выделить основные факторы успешного (здесь основной критерий – сохранение внутривластной стабильности) транзита в условиях авторитаризма. Во-первых, это вовлечение в процесс силовых структур. Во-вторых, наличие подготовленного преемника, которого поддерживает выигравшая коалиция (силовики + сильный клан/племя), нейтрализация членов семьи прежнего лидера.

Общий социально-политический фон важен, но не играет решающей роли. Первые выборы И. Алиева прошли в период роста мировых цен на нефть, однако стоимость барреля была далека от максимумов, достигнутых несколькими годами позднее. Бердымухамедов столкнулся с племенными расколами и временным возвращением оппозиции. Ш. Мирзияев был вынужден действовать в не самый благоприятный период – экономического спада в России, эхо которого дошло до Узбекистана. Из-за падения курса рубля по отношению к доллару мигрантам из Узбекистана стало менее выгодно работать в России. Денежные переводы из России помогали трудовым мигрантам содержать семьи на родине, что поддерживало социальную стабильность в самом Узбекистане. Тем не менее Мирзияев смог достичь договоренностей с элитами и предложить программу реформ населению.

Что касается институциональных рамок, то в условиях постсоветского авторитаризма они не играют существенной роли. В режимах, ориентированных на деловые отношения с Западом (Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан), определенные условия соблюдаются, пусть лишь формально. Поэтому Г. Алиев наделил сына премьер-

скими полномочиями, а И. Алиев подготовил аналогичную нишу для своей жены. В Туркмении конституционные нормы были нарушены полностью, а сама конституция впоследствии была переписана с целью устранить подобного рода препятствия для прямого транзита власти в будущем. В Узбекистане формальности были соблюдены лишь отчасти. Председатель Сената Олий Мажлиса Н. Юлдашев в отличие от туркменского коллеги не был арестован и удален с политического поля, но взял самоотвод от исполнения обязанностей президента в пользу Ш. Мирзияева, хотя такой вариант не предусмотрен конституцией. При этом проявивший лояльность Юлдашев смог сохранить свой пост при новом главе государства.

Последним фактором, важным при транзите власти, является донесение преемником своей программы до населения. Сам факт наследования вместо выборов способен спровоцировать недовольство населения. Кроме того, в авторитарных режимах приход нового правителя, пусть даже недемократическим путем, связывается с изменениями в сторону смягчения политики. Однако либерализация не всегда способствует стабильности. Так, М. Горбачев пытался повысить собственную легитимность через проведение курса на перестройку и объявление политики гласности, что стало внутренним шоком и расшатало основы высокоинституционализированного режима (Anderson, Voettke 1993). Поэтому ни Г. Бердымухамедов в 2007 г., ни Ш. Мирзияев в 2016–2017 гг. не проводили длительных последовательных проектов по либерализации режима, которые были обещаны в транзитный период.

Описав имеющиеся модели транзитов власти и условия их успешной реализации, можно оценить и спрогнозировать, каким образом будут проходить транзиты в ближайшем будущем и какие риски они за собой влекут.

На пороге транзита

Первыми на очереди стоят Казахстан и Таджикистан. Немного больше времени есть в запасе у туркменского лидера. Вероятнее всего, в Таджикистане и Туркмении будет реализован сценарий семейного транзита по примеру Г. Алиева. В этих странах большие семьи лидеров контролируют основные финансово-экономические активы. Потеря власти чревата переделом сфер влияния, как это происходит в Узбекистане и как это было в Кыргызстане. Поэтому не исключено, что в Таджикистане в 2020 г. на выборы пойдут сразу оба – Э. Рахмон и его сын Р. Эмомали.

Важной вехой стали очередные поправки в конституцию республики, вынесенные на всенародный референдум в мае 2016 г. Очередные изменения основного закона снимают ограничение по срокам для лидера нации, каковым стал Э. Рахмон в декабре 2015 г., подписав соответствующий закон. Кроме того, предусматривается введение единого возрастного ценза – 30 лет – для кандидатов в депутаты обеих палат Маджлиси Оли (парламент Таджикистана), судей Верховного, Конституционного и Высшего экономического судов, а также для кандидатов в президенты. Ранее президентом республики не мог стать гражданин моложе 35 лет. Таким образом, старший сын Э. Рахмона Рустам Эмомали, которому на момент запланированных выборов 2020 г. исполнится 33 года, получит законные основания для выдвижения в президенты.

В случае ухода с президентского поста Э. Рахмон автоматически становится сенатором Маджлиси милли с пожизненным сроком полномочий, если добровольно не откажется от этого права. Согласно ст. 71 Конституции РТ, «в случае смерти, отставки, признания Президента недееспособным его обязанности до вступления в должность вновь избранного Президента переходят к Председателю Маджлиси милли» (Конституция Республики Таджикистан 2017). Такой сценарий оставляет за Э. Рахмоном второй по значимости пост в стране и прямой контроль за парламентом.

Р. Эмомали можно назвать подготовленным преемником. Старший сын на госслужбе с 2006 г., в период с 2013 по 2015 г. возглавлял Таможенную службу, а с 2017 г. – председатель (мэр) столицы республики Душанбе. Чтобы высвободить позицию градоначальника для сына, Э. Рахмон снял с этой должности Ш. Зухурова, председателя Палаты Представителей (нижняя палата) парламента, кулябца. Зухуров – старейший представитель депутатского корпуса республики. Его уход стал еще одним сигналом к переустройству режима и смене поколений, которая не сводится только лишь к приведению Рустама в президентское кресло. Старшая дочь Э. Рахмона Озода в 2015 г. стала руководителем исполнительного аппарата президента и готова поддерживать брата во внутривнутриполитической борьбе. Еще одна из дочерей – Рухшона – стала замначальника Управления международных организаций Министерства иностранных дел. Ее быстрое продвижение по дипломатической линии указывает на то, что она может стать куратором внешней политики в стране. Таким образом, Э. Рахмон диверсифицирует обязанности между своими родственниками.

Внедрение семьи в политические структуры в совокупности с последними поправками в конституции указывают на базовый сценарий транзита власти в Таджикистане. Тем не менее вопрос клановой фрагментации в Таджикистане стоит остро и по сей день. Несмотря на доминирование кулябцев, гиссарцы, гармцы и памирцы в любой момент могут оказать жесткое сопротивление. Нерешенными остаются проблемы с узбекским меньшинством и радикальными исламистами. Мятежи полевых командиров и побег омовцев в Сирию говорят о том, что таджикские силовые структуры не монолитны и далеко не лояльны семье Рахмона. На сегодняшний день таджикское общество – самое поляризованное на всем постсоветском пространстве, так что транзитный период может перерасти в масштабный кризис.

Другим фактором риска может стать внутрисемейный конфликт. Перед лицом усиления межклановой конкуренции большой семье Рахмона необходимо консолидироваться вокруг своего выдвиженца. Долгое время семья была опорой Рахмона. Через корпоративно-династические браки таджикский лидер контролирует ключевые сферы в стране. Но время от времени между членами семьи происходят конфликты за прибыльные активы. Наиболее агрессивно по отношению к родственникам ведет себя одна из 7 дочерей – Тахмина. Она отметилась двумя серьезными конфликтами со старшей сестрой Озодой за контроль над рыночным бизнесом и с дядей Х. Асадуллозодой за финансовый актив «Ориент-банка», через который проходят все денежные операции семьи.

Г. Бердымухамедов также стремится сохранить власть в руках своей семьи, которая контролирует большую часть экономики страны. Поправками в конституцию Бердымухамедов определил горизонт транзита 2028–2031 г., поскольку одно из немногих ограничений для президента – это возрастной ценз (не старше 70 лет). Сейчас туркменский лидер переживает пору политической зрелости, выиграв очередные выборы и получив как минимум 7 лет для подготовки преемника. На момент следующих выборов Г. Бердымухамедову исполнится 66 лет. Скорее всего, последующий срок будет для него последним, так как к его окончанию Аркадагу будет 73 года. Также высока вероятность, что президент покинет свой пост раньше, чтобы в досрочном порядке провести транзит сыну Сердару, который все чаще стал появляться на официальных мероприятиях, встречах с лидерами государств и деловых встречах. Сейчас Сердар получил место в парламенте и сразу же возглавил

законодательный комитет. Большинство преемников из членов семей автократов также начинали свой путь с депутатских кресел. Сердар – единственный сын Бердымухамедова, от которого может зависеть благосостояние всего клана, поэтому правящей коалиции важно уже сейчас подготовить его к руководству страной.

Наиболее высокие риски дестабилизации внутривластной ситуации существуют в Казахстане. Эти негативные ожидания связываются с уходом Н. Назарбаева и последующей передачей власти новому главе государства.

Согласно Fragile State Index за 2017 г., Казахстан признан экспертами самым устойчивым государством на постсоветском пространстве после Латвии, Литвы и Эстонии, встроенных в европейское демократическое сообщество (Fragile... 2017). В обновленном рейтинге Казахстан занял 113-е место из 178 государств (чем ниже место, тем меньше риски дестабилизации). Первые три позиции занимают Южный Судан, Сомали и Центральная Африка, оказавшиеся на грани состояния failed state. В конце списка наименее уязвимые полинии: Швеция, Дания, Швейцария, Норвегия и Финляндия.

Проблемными для Казахстана являются вопросы поддержания легитимности (42-е место) режима ввиду его закрытости и отсутствия реальной политической конкуренции. Также риски дестабилизации могут исходить из социальных расколов, существующих в казахстанском обществе. По этому показателю из блока «целостность государства» Казахстан расположился на 48-м месте (*Ibid.*). По другому индикатору этого блока – «фракционализации элит» – среди стран бывшего СССР Казахстан (75-е место) уступает лишь вышеупомянутым государствам Балтии и Армении. Это говорит о том, что элита в значительной мере консолидирована. Лидеру нации Н. А. Назарбаеву удалось переформатировать казахстанский истеблишмент. В высших эшелонах власти традиционная для казахского общества трайбалистская лояльность уступила место принципам патрон-клиентских отношений. Тем не менее после ослабления влияния Назарбаева борьба за власть усилится.

В 2017 г. Н. Назарбаев запустил конституционную реформу по перераспределению полномочий между различными ветвями власти. В результате Казахстан трансформируется от суперпрезидентской модели к президентско-парламентской. Представителем семейных интересов в новой системе может стать старшая дочь Назарбаева – Дарига, которая имеет опыт руководства своей партией и правящей партией «Нур Отан». Через партию Дарига получит

рычаги управления парламентом, которому передали часть контрольных полномочий. В качестве силовой опоры при транзите Назарбаев рассматривает двух своих племянников – С. Абиша и К. Сатыбалды, сделавших карьеры в силовых структурах. Кроме того, аналогом Р. Иноятова может стать К. Масимов, который зависит от благополучия семьи Назарбаева, поскольку при смене правящей коалиции он одним из первых попадет под удар как угроза новой власти. Вакантным остается место основообразующего элемента системы – преемника Назарбаева на президентском посту. Сложившаяся неопределенность повышает внутриэлитную напряженность, что может сорвать план плавного транзита.

В Узбекистане в ближайшее время очередного транзита не предвидится. Действующий президент Ш. Мирзияев находится у власти около года, имея в запасе время и ресурсы, чтобы укрепить позиции и переизбраться на второй пятилетний срок в 2021 г. Он активно выстраивает свою патронально-клановую сеть, вовлекая в нее членов своей семьи. Зятья Мирзияева – О. Шаханов и О. Турсунов – получили назначения на должности в личной охране президента (новом оппоненте СНБ Иноятова) и в президентской администрации соответственно. С именем Турсунова связывают атаки на флагманский актив Каримовых – Телляевых, рынок «Абу Сахий», что говорит либо о нарушении пакта с семьей Каримова, либо об отсутствии такого рода договоренностей. Последнее может быть свидетельством слабости семьи первого президента и силы кланово-патрональной сети, поддержавшей Мирзияева. При этом если Мирзияев сможет создать устойчивую пирамиду власти и решится ее удержать, он уже не будет иметь ни каримовского статуса «отца нации», ни возможностей править конституцию под себя, ссылаясь на сложности переходного периода после распада СССР. Продлить собственные полномочия для него будет крайне рискованно. Это значит, что в пределах 2023–2024 гг. Мирзияев уже будет работать над сценарием транзита в Узбекистане.

В Кыргызстане, несмотря на сохраняющееся влияние экс-президента А. Атамбаева и могущество клана Жээнбековых, предпосылок для возникновения сильного персоналистского режима нет. Каждый последующий лидер Кыргызстана будет учитывать опыт Акаева и Бакиева, свергнутых в ходе революций. Вероятнее всего, С. Жээнбеков последует примеру своего предшественника А. Атамбаева, ограничившись одним 6-летним сроком президентства. За это время правящая коалиция успеет определиться с канди-

датурой преемника, который смог бы стать гарантом для Атамбаевых – Жээнбековых и поддержать их status quo в стране.

Передача власти новому ставленнику произойдет через конкурентные выборы, на которых креатура С. Жээнбекова будет иметь все шансы на успех ввиду значительных возможностей клана и самого инкумбента. Ключевые риски для Кыргызстана могут возникнуть в случае попытки изменить действующую конституцию с целью снять ограничение в 1 срок или продлить полномочия через референдум либо посредством введения чрезвычайного положения, которое может возникнуть в связи с множеством причин (тлеющий этнический конфликт, вторжение радикальных исламистов, обострение борьбы за распоряжение водными ресурсами региона, торговая война и т. д.).

На основании анализа внутривнутриполитической ситуации в Центрально-Азиатском регионе и экспертной оценки транзитных рисков был сформирован прогноз касательно потенциала дестабилизации в государствах Центральной Азии.

Оценка проводилась по пяти ключевым параметрам:

1) неопределенность касательно кандидатуры возможного преемника действующих лидеров;

2) степень необходимости передавать власть другому лицу (а не сохранять полномочия за действующим главой государства на максимально возможный срок);

3) время, которое имеется в распоряжении инкумбента для подготовки преемника и создания условий для успешной реализации транзита (параметр «срочность транзита»);

4) далее следует качество институциональной среды, задающей правовые рамки для транзита (качество характеризуется детализацией необходимых условий и соответствием общих рамок готовящейся модели передачи власти);

5) социально-политический фон, включающий широкий охват показателей стабильного развития общества (экономика, политическая среда, криминогенная обстановка, межэтнические отношения и т. д.).

По каждому параметру была сформирована экспертная оценка. Шкала оценивания имеет три градации для каждого из параметров. Также имеются две дополнительные опции: «отсутствие» (неопределенности, необходимости, срочности) и «обязательность» (как «крайне высокая степень вероятности», близкая к 100 % в ситуации последовательного, не подверженного значительным шокам порядка развития событий).

Табл. 2. Оценка ключевых параметров транзита власти для государств постсоветской Центральной Азии

Страна	Неопределенность с преемником	Передача власти другому лицу	Срочность транзита	Качество институционализации транзита	Социально-политический фон
Казахстан	Высокая	Высоковероятна	Умеренная	Среднее	Умеренный
Кыргызстан	Отсутствует	Обязательна	Отсутствует	Высокое	Негативный
Таджикистан	Низкая	Вероятна	Умеренная	Низкое	Негативный
Туркменистан	Низкая	Маловероятна	Отсутствует	Низкое	Умеренный
Узбекистан	Отсутствует	Отсутствует	Отсутствует	Низкое	Умеренный

Заключение

Архаичные конструкции авторитарных режимов Центральной Азии вошли в фазу старения. Характерной чертой этого этапа является исчерпание возможностей для адаптации в рамках персоналистского авторитаризма. Кроме того, ситуация усугубляется биологическим старением первого поколения лидеров (Назарбаев, Рахмон) и вхождением лидеров второй волны (Бердымухамедов) в состояние политической зрелости.

Развитие демократических институтов, в частности института выборов, в Кыргызстане сужает меню стратегий для потенциально автократа, усиливая собственно механизмы передачи власти и соответственно всю политическую систему, поскольку выборы, которые также являются временным кризисом для любого государства, относятся к категории управляемых кризисов именно по причине определенности правил игры.

Режимы, где выборы служат для псевдолегитимации правящих элит, сформированных правящей коалицией при поддержке силовых структур, следуют модели транзита власти. Предыдущий опыт доказывает, что при наличии преемника, поддерживаемого выигршной коалицией, непременно включающей силовиков, транзит может пройти без социальных потрясений. Дополнительными факторами стабилизации могут стать благоприятный социально-политический фон (рост цен на ключевой ресурс, внешнеполитические успехи) и институционализация правил игры.

Дестабилизация в транзитный период возможна в 2020 г. в Казахстане и Таджикистане. Благодаря конституционным преобразованиям Н. Назарбаев снижает риски переходного периода, однако не решен вопрос преемника. Для Э. Рахмона основным препятствием могут стать неблагоприятная социально-экономическая ситуация и высокий уровень фрагментации общества.

Библиография

- Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2015.** *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. М.: Учитель.
- Конституция** Республики Азербайджан. 2017. URL: <http://www.legalacts.az/ru/document/271/41123> (дата обращения: 19.12.2017).
- Конституция** Республики Таджикистан. 2017. URL: <http://www.tajikistan.turkestan.ru/constitution/4-6.html> (дата обращения: 20.12.2017).
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Шишкина А. Р., Назаретян А. П., Халтурина Д. А. 2013.** Мониторинг развития Центральной Азии: цели, методология и перспективы. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* 4(2): 5–11.
- Коротаев А. В., Ходунов А. С., Зинькина Ю. В. 2011.** К прогнозированию социально-политической нестабильности в странах Центральной Азии. *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития* / Отв. ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: ЛИБРОКОМ. С. 387–435.
- Ходунов А. С., Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2012.** К прогнозированию социально-политической нестабильности в странах Центральной Азии. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* 3: 5–11.
- Anderson G. M., Boettke P. J. 1993.** Perestroika and Public Choice: The Economics of Autocratic Succession in a Rent-seeking Society. *Public Choice* 75(2): 101–118.
- Brownlee J. 2007.** Hereditary Succession in Modern Autocracies. *World Politics* 59(4): 595–628.
- Brownlee J., Masoud T., Reynolds A. 2013.** Why the Modest Harvest? *Journal of Democracy* 24(4): 29–44.
- Collins K. 2006.** *Clan Politics and Regime Transition in Central Asia*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fragile State Index. 2017.** Country Data 2017. URL: <http://fundforpeace.org/fsi/data/> (дата обращения: 19.12.2017).
- Tullock G. 2012.** *Autocracy*. N. p.: Springer Science & Business Media.